

(начало на стр. 12—13)

Тандем и смена стиля

Создание правящего союза прошлого и будущего президентов — в просторечии тандема — вскрыло поле обсуждения всего и вся. Путина на фоне Медведева. Медведева в свете Путина. Прошлой политики в контексте будущей... Эта сцена — звучная, конкурентная — публичная. Выходящие на нее конкурируют между собой, и каждый старается затянуть в конфликт на своей стороне одного из «дуумиров».

Плюрализм союза обеспечивает якорный механизм смены ведущего ведомым внутри диархии. То первая, то вторая персона дуумвирата берет роль головной, а другая подыгрывает, оппонируя ей. Но конкурентное пространство возникло и быстро заселяется. Сам же Путин ввел неслыханную новеллу — политический кабинет с дебатруемым курсом политики, на которую отчасти влияют и дебаты извне.

Перед нами весьма креативный механизм. Он доказал, что способен создавать новые политические реальности, что безумно ценно в современной мировой игре. Не всегда этот механизм правильно программируется, об этом говорят наши авторы. Лидерски программируемая политика — меритократический комплекс, правление именем знания. Те, кто им руководят, часто колеблются: куда дальше? Но именно этот комплекс-механизм является стратегическим преимуществом команды, источником питания правящей среды и — предметом вождельений для оппозиции.

Однако стиль импровизаций впредь не будет стилем тандема. Медведев выбрал себе другой, новый стиль. Он затеял диалог с малыми группами, с политическими меньшинствами — зачем? Встречи с ними определяют новых лидеров сообществ, наращивая потенциал мобильности. Медведев заселяет политическое пространство. Формируется мобильная конкурентная сцена. Она сама начинает задавать правила игры, от чего Путин был свободен.

Начинается стилистическая революция. ■

НЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ДУХ ПУТИНСКОЙ РОССИИ

Тарас Бурмистров

На переломе эпох всегда происходит любопытная вещь: личные психологические черты главного деятеля эпохи как бы преобразуются в политическую реальность, а потом и вовсе отделяются от него, превращаясь в «стиль эпохи». Так не случилось с Ельциным — когда он ушел, «ельцинское время» закончилось, — но так случилось с Путиным, уход которого с поста президента ничего не поменял в стиле нашего времени.

Фактически, эпоха Ельцина не была еще «новой», «переломной» — это было не столько постсоветское время, сколько конец советского периода. Несущие конструкции советского строя пока что рушились. Люди были еще слишком многими нитями связаны с собственным советским прошлым, чтобы задавать линии новой политики.

Вся эта пыль осела к 2000 году. Новое время очень отличалось «на вкус и на осязание» от старого, и, чем дальше уходит в прошлое момент перелома, тем больше оно начинает казаться «самой реальностью», чем-то таким, что по-другому и не может быть. Между тем, только часть характерных черт новой эпохи была обусловлена «велением времени», другая же зависела от индивидуальных черт Владимира Путина.

В стиле Путина, прежде всего, бросается в глаза «непрозрачность», темная и мутная атмосфера, как будто вся властная верхушка состоит из одних серых кардиналов. Не было объективных причин к установлению такого стиля. Даже в тех странах, в которых государственные лидеры откровенно подражали Путину, как например, в Италии, внутренняя политика осталась той же. Эта «мутность» может наблюдаться как в демократических государствах, так и недемократических — это специфическая черта самого Путина, находящая глубокие основания в его психологии.

С переездом Путина из Кремля в Белый дом часть этой «конспирации» повыветрилась и подрастrepалась. Но еще несколько лет назад эта атмосфера во власти была в своем роде совершенной.

Войны и победы Путина

Установление атмосферы непрозрачности было первым, что сделал Путин, когда начал решать главную проблему, которая перед ним стояла с самого начала — умиротворение Чечни. Он обрубил все информационные «входы и выходы» вокруг нее, так что можно было только гадать, что там происходит. Не было никакой возможности для информационной и идеологической игры вокруг войны. Во многом это было оправданно, потому что первую такую информационную войну мы проиграли. Однако, нетривиальным было желание Путина не «переиграть» ее, а полностью остановить.

Предыдущая информационная война велась, естественно, не в Грозном, а в Москве, и это «первое движение» Путина неизбежно приняло не «локально чеченский», а «глобально российский» характер. Умиротворение Чечни было даже не войной, а эффектной спецоперацией (а для них режим секретности просто необходим), вслед за которой последовали и другие. Путин устанавливал контроль над одним, потом другим федеральным телеканалом почти так же, как он вел фактически выигранную к тому времени чеченскую войну. Каналы никуда не девались — как и Чечня, слава Богу, никуда не делась — но вокруг них и внутри них внезапно происходила глубокая информационная «заморозка».

Выиграв обе войны, связанные между собой, «реальную» и «информационную», Путин перешел к решению других задач. Он решал их ровно теми же средствами, хотя в этом уже не было никакой необходимости.

Стиль «спецоперация»

Российская система власти стала функционировать в ключе «информационной заморозки». Добиться от Кремля комментария о том, что на самом деле происходит, было так же трудно, как от офицера военного штаба узнать подробности боевой операции в ходе самой горячей ее фазы. Это не значит, что от нас что-то скрывали — о тех событиях, что

уже совершились, нас информировали полно и подробно. Путин сам это делал в серии великолепных пресс-конференций, на которых он поражал глубокой осведомленностью обо всех сферах жизни в стране. Однако, любая попытка узнать о процессах, которые еще продолжались, наталкивалась на резкое противодействие. Какие фигуры являются ключевыми и влиятельными, кроме Путина, какие играют роль статистов — обо всем этом можно было только догадываться.

Трудно понять, в какой степени было оправданным установление такого стиля. Для проведения спецоперации он, наверное, идеален, но **может ли политика целого государства, да еще такого, как Россия, проводиться в режиме спецоперации?** Путину со времени укрепления своей власти понадобилось провести еще множество спецопераций самого разного толка, и режим «радиомолчания» по всей стране оказался для него очень удобен. Однако, в некоторых случаях он не очень удобен для общества. Даже если он и кажется таковым на определенном этапе, то все равно может обернуться большими проблемами в дальнейшем.

Так, избрание Дмитрия Медведева президентом России носило те же самые, очень характерные черты «стиля спецоперации». Неожиданность принятия решения, быстрота его реализации, после того как оно было огла-



Стиль Путина — это стиль человека, добившегося триумфа

политика», и Путин этому запросу соответствовал в точности. Тогда была потребность в государственном деятеле, который не будет спрашивать, что ему делать, а сам об этом расскажет и, еще лучше, сделает. Отсутствие желания разговаривать казалось даже преимуществом, потому что вокруг власти тогда было слишком много желающих поговорить, и заткнуть уши было для президента не худшим решением. Диалог между властью и обществом прекратился, власть сама отлично знала, что ей делать. На каком-то этапе общество это устраивало — но позднее оно стало от этого уставать.

обращают к Путину — ограничение свободы слова и как будто намертво застрявшие социальные лифты — представляются мне куда менее значимыми. Свобода слова у нас есть, мы можем высказывать свое мнение достаточно широко — только это мнение ни на что не влияет.

Между тем, за последние годы «снизу» сформировалась потребность в том, чтобы хотя бы на что-то влиять. Количество сил, имеющих такое желание, но не имеющих возможности, начинает превышать порог, после которого в обществе возникает ощущение в необходимости реформирования действующей политической системы.

Путин никогда не реагировал на такое давление снизу «диалоговым образом», и в этом, как ни странно, его сила, потому что любая политика должна быть последовательной. Однако в прошлом году появилось одно исключение — это уход Путина с поста президента.

Не важно, под давлением каких именно обстоятельств Путин покинул свой пост, — было ли это желание соблюсти букву Конституции, отреагировать на мнение Запада, поддерживать представления русского общества о сменяемости власти или что-то еще. Главное, что этот шаг был совершен «в ответ» на что-то внешнее. Это, может быть, и не «уступка», не «сдача позиций под давлением», но это уже диалог. Что ж, если Путин готов разговаривать, собеседники у него найдутся. Первый шаг к дальнейшей трансформации уже сделан, осталось совершить остальные. ■

Путинский стиль не авторитарный — он вопиюще «неполитический»

шено и стало известно всем; сгусток действия при почти полном отсутствии обсуждения этого действия в обществе — такая блестящая молниеносная операция сделала бы честь маневру в Чечне в пору установления там конституционного порядка. В легитимности Медведева никто не сомневается, но правильно ли было прибегать к этому стилю в данном случае? Он, безусловно, эффективен, но в мире принято немного другое понимать под «президентскими выборами». Между тем Путин в этом щекотливом случае не отступил от своего стиля ни на миллиметр.

Для начала и даже для первой половины 2000-х этот стиль был достаточно ограничен. **Тогда в обществе возник запрос на «президента-не-**

Общество устало...

Путинский стиль не авторитарный — но он вопиюще «неполитический». Чувствовать себя лишь одной из сил в обществе, искать компромисс с другими силами, нащупывать баланс интересов — все это для Путина кажется органически невозможным. Корни этого лежат в психологическом складе личности самого Путина, но в силу разных обстоятельств такую манеру быстро переняли все, сверху донизу.

Диалог сейчас возможен и на политические темы, и на неполитические темы, но невозможен диалог ни с кем из тех, кто реально осуществляет политику. Именно в этом мне видится главная претензия общества к Путину. Те упреки, которые обычно